

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. Виноградова РАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО РУССКОЙ
И КОМПАРАТИВНОЙ
СЕМАНТИКЕ

Издательский Дом ЯСК
Москва 2021

Оглавление

От авторов	7
------------------	---

Вместо введения

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Полисемия как фундаментальное свойство единиц языка	9
--	---

ЧАСТЬ I

1. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Время суток и виды деятельности	21
2. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. О том, чего нельзя сделать вместе.	32
3. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. <i>Conveni, convici, convixi</i>	41
4. А. Д. Шмелев. «Общие» слова.	58
5. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Компактность vs. рассеяние в метафорическом пространстве русского языка	76
6. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. <i>Noto jubilans</i>	85
7. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Эстетическое измерение в русской языковой картине мира: <i>быт, пошлость, вранье</i>	96
8. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Конфликтный диалог и межкультурная коммуникация	116
9. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. <i>Льстить</i> : семантическая эволюция и актуальная полисемия.	124
10. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. <i>Вздор</i> : слово и дело	132
11. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Как мы проводим дни и ночи.	143
12. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Русское <i>разочарование</i> в европейском контексте.	153
13. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. О двух лингвоспецифичных единицах русского числового кода	163
14. Анна А. Зализняк. Заметки к лингвистической теории нарратива.	178

ЧАСТЬ II

1. Анна А. Зализняк. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа	195
2. Анна А. Зализняк. База данных межъязыковых эквиваленций как инструмент лингвистического анализа	207
3. А. Д. Шмелев. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни»	220
4. А. Д. Шмелев, Анна А. Зализняк. Реверсивный перевод как инструмент лингвистического анализа дискурсивных слов	230
5. А. Д. Шмелев. Русские <i>авось</i> и <i>небось</i> revisited.	241
6. Анна А. Зализняк. О семантической эволюции дискурсивных слов: русское как <i>раз</i>	271
7. Анна А. Зализняк. <i>И все-таки она вертится</i>	283
8. А. Д. Шмелев. Когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии	290
9. Анна А. Зализняк. <i>Засветло</i> или <i>затемно</i> ? К вопросу о месте энантиосемии в семантической деривации.	329
10. А. Д. Шмелев. Лингвоспецифичные слова в зеркале перевода: <i>тоска</i>	346
11. А. Д. Шмелев. От (пре)мудрого до смешного, или еще раз о <i>хохме</i> и <i>остроумии</i>	362
12. Анна А. Зализняк. <i>Разве</i> : от предлога к вопросительной частице.	371
13. Анна А. Зализняк. <i>Кроме</i> и его производные.	380
14. Анна А. Зализняк. Русское как бы в зеркале перевода. Памяти Н. Д. Арутюновой	395
Вместо заключения	
А. Д. Шмелев. Язык и культура: есть ли точки соприкосновения?	429
Литература	493
Указатель лексем	517

От авторов

В книгу вошли тексты наших статей, написанных совместно в период 1994–2019 гг. (некоторые из них были воспроизведены в книге: Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012), а также статей, написанных каждым из нас по отдельности после выхода этой книги или в нее не вошедшие; некоторые статьи были опубликованы в различных изданиях, другие публикуются впервые или представляют собой расширенный или переработанный вариант опубликованной ранее статьи (некоторые опубликованные ранее работы в настоящем издании воспроизводятся с небольшими изменениями). Исследования посвящены различным аспектам русской семантики: анализируется значение слов и словосочетаний, приставок и словообразовательных моделей, значение дискурсивных слов и содержание дискурсивных и нарративных стратегий. При этом семантика в большинстве случаев рассматривается на фоне, в контексте или в перспективе аналогичных фактов основных европейских языков. Сравнение производится как на уровне этимологии или истории слов (в частности, путей заимствования или калькирования), так и с точки зрения собственно семантики и культурной прагматики; такой подход мы условно обозначили термином «компаративная семантика». Исключение составляет статья «*Conveni, convici, convixi*», посвященная, в первую очередь, семантике латинской приставки *con-*; однако здесь нас также интересовали, прежде всего, природа полисемии данной приставки и механизмы взаимодействия ее семантики с семантикой глагольной основы — в латыни, а также в типологически близких в данном отношении языках, в том числе в русском.

Книга состоит из двух частей. Главы расположены в целом в соответствии с хронологическим порядком написания соответствующих статей, отражающим константы и переменные наших взглядов на русскую семантику и методы ее анализа на протяжении этих 25 лет. Перемены в наших методах касаются, прежде всего, использования начиная с середины 2000-х гг. электронных корпусов текстов. В первой части помещены исследования, выполненные, в основном, в период с середины 90-х до конца 2000-х гг.; значительная часть

из них была сделана в «докорпусную» эпоху. Исследования, помещенные во второй части книги, относятся к недавнему времени и в своем большинстве опираются на данные корпусов русских текстов, прежде всего – Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), в том числе – его параллельных подкорпусов, для использования которых в семантических исследованиях была разработана специальная методика. В работы, выполненные в «докорпусную» эпоху, в настоящем издании в некоторых случаях были добавлены примеры из НКРЯ, подтверждающие выдвинутые ранее тезисы.

Поскольку все рассматриваемые нами языковые единицы в той или иной степени полисемичны, в качестве введения мы поместили обобщающую статью «Полисемия как фундаментальное свойство единиц языка» (в которой были использованы материалы нашей статьи, предназначенной для энциклопедии «Brill's Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics»). В качестве заключения мы выбрали публикацию А. Д. Шмелева, написанную в форме ответа одному из наших оппонентов и посвященную ряду общих вопросов, имеющих принципиальное значение для наших исследований: вопросу о связи между языком и культурой, принципам разграничения между семантикой, лингвокультурологией, переводоведением и некоторым другим вопросам.

Публикуемые исследования в разное время поддерживались фондами РГНФ и РФФИ, в том числе: РГНФ, грант № 11-04-00105а «Эволюция русского лексикона в европейской лингвистической перспективе»; РФФИ, грант № 13-06-00403 «Контрастивное корпусное исследование специфических черт семантической системы русского языка»; РФФИ, грант № 16-06-00339 «Контрастивное корпусное исследование дискурсивных слов русского языка»; РФФИ, грант № 17-29-09124 «Когнитивные механизмы семантической деривации в свете типологических данных»; РФФИ, грант № 19-012-00505 «Дискурсивные единицы русского языка: семантика и механизмы прагматизации».

Подготовка к печати глав монографии, посвященных дискурсивным словам русского языка, осуществлялась при поддержке РФФИ, грант № 19-012-00505.

Анна Зализняк, Алексей Шмелев

Полисемия как фундаментальное свойство единиц языка

Полисемия (от греч. πολύ ‘много’ и σήμα ‘знак, значение’) — наличие у языковой единицы двух или более связанных между собой значений. Под *полисемией* обычно понимают лексическую полисемию, т. е. речь идет о многозначности лексической единицы: слова или морфемы (напр., слово *дерево* может обозначать вид растения или строительный материал, русская глагольная приставка *за-* может указывать на пространственную модификацию движения, завершение процесса, переход в состояние и др.). Возможна также грамматическая полисемия — многозначность грамматической формы: напр., творительным падежом в русском языке может обозначаться инструмент действия, субъект действия в пассивной или безличной конструкции, второй термин сравнения и др. Полисемия настолько типична для слов естественного языка, что относительно редким и нетипичным явлением можно считать моносемию — наличие у слова только одного значения. Моносемия характерна для научных терминов, некоторых имен натуральных классов, а также для слов с сильно ограниченной сочетаемостью. Так, слово *закадычный* используется только в сочетаниях с такими словами, как *друг, дружок, приятель, подружка, дружба* — как характеристика близких, неформальных дружеских отношений.

В современной лингвистике считается общепризнанным, что полисемия лексических единиц представляет собой фундаментальное свойство естественного языка, обеспечивающее осуществление его основных функций — когнитивной и коммуникативной. Исследование полисемии является центральной проблемой когнитивной лингвистики, которая занимается, в частности, вопросом о том, в какой форме хранится в нашей памяти значение многозначного слова. С другой стороны, способ представления полисемии является центральной проблемой лексикографии. (Вопрос о том, должно ли лексикографическое представление полисемии быть изоморфно системе хранения и пользования полисемией говорящим, остается открытым.)

При описании полисемии лексических единиц конкретного языка возникает две проблемы. С одной стороны, это проблема разграничения разных

значений одного слова: являются ли два различных типа его употребления разными лексическими значениями или разными реализациями одного и того же лексического значения? С другой стороны, возникает проблема разграничения полисемии и омонимии, т. е. случаев, когда разные значения принадлежат одному слову или разным (хотя и внешне тождественным) словам. Решение обеих проблем имеет принципиальное значение для лексикографии: омонимы представляют собой отдельные слова, и каждый из них имеет свой словарный вход; разные значения одного слова перечисляются в рамках одной словарной статьи. Для решения каждой из этих двух проблем разработан ряд критериев, однако результат их применения не всегда однозначен, и в сложных случаях выбор решения определяется установкой лексикографа.

1. Принципы разграничения полисемии и омонимии

Первым принципом является частеречная принадлежность: если два внешне тождественных слова принадлежат разным частям речи, то это омонимы, напр. русск. *печь* (существительное) и *печь* (глагол). Существенно, что в языках с развитой системой словоизменения (а к таким языкам относится большинство славянских языков) в таких случаях чаще всего речь идет о совпадении начальных форм слов — в других формах никакого внешнего тождества нет (ср. *печь*, *печи*, *печью*, с одной стороны, и *печь*, *пеку*, *печешь*, *пек*, *пекла* — с другой).

В том случае, когда некоторая единица плана выражения имеет разные значения, для слов одной части речи главным критерием полисемии является наличие между значениями семантической связи, которая дает основание считать эти значения принадлежащими одному слову. Эта связь может проявляться в наличии существенной общей части в толкованиях рассматриваемых значений. Так, у русского слова *блюдо* выделяются два значения: 'предмет посуды, предназначенный для того, чтобы на него класть пищу, которая подается на стол' и 'определенным образом приготовленная пища' (общая часть — 'подаваемая на стол пища'). Однако общей части в толкованиях может и не быть; в таких случаях связь между исходным и производным значением осуществляется за счет компонента, который представляет собой коннотацию, т. е. признак, ассоциируемый с исходным значением. Так, у слова *свинья* в значении 'животное' имеются коннотации грубости, нечистоплотности, и эти коннотации выходят на первый план в том случае, когда слово *свинья* используется как характеристика человека.

Полисемия как свойство естественного языка обусловлена тем обстоятельством, что в определенных контекстных условиях значение языковой единицы может подвергаться тем или иным модификациям. Первоначально эти модификации не выходят за рамки окказиональных контекстно связанных употреблений, но по мере того, как они конвенционализуются, можно говорить о появлении у единицы нового значения. Так, слово *дворник* в русском языке обозначает работника при доме, обязанного поддерживать чистоту и порядок во дворе. Когда было изобретено устройство для механического вытирания смотрового стекла автомобиля, его тоже стали называть *дворник*, основываясь на сходной функции. Постепенно это наименование вошло в обиход, и тем самым у слова *дворник* (обычно — во мн. числе) появилось новое значение.

Главным критерием полисемии является этимологическое единство: полисемия возникает в ходе семантической эволюции одного слова, а омонимы — это, в первую очередь, исторически разные слова, чей фонетический облик совпал в силу произошедших исторических изменений или если заимствованное слово внешне совпало с уже имеющимся в языке. Соответственно, разность происхождения является наиболее надежным признаком омонимии. Так, например, омонимами являются болг. *чест* 'честь' (из *čьstь) и 'частый' (из *čьstь), русское *брак* 'недоброкачественный продукт производства' (заимствование из средненижненемецкого через посредство польского) и *брак* 'супружество' (из праславянского *borkъ, от bьrati).

Незначительную долю исключений составляют случаи вторичного схождения, т. е. случаи, когда фонетическое совпадение разных по происхождению слов влечет за собой их семантическое сближение, в результате которого на синхронном уровне они могут трактоваться как разные значения одного слова (это явление называется лексико-семантической контаминацией). Например, русское *вал* 'большое и обычно высокое сооружение из земли, песка или снега' и *вал* 'большая и обычно высокая волна' имеют разное происхождение: первое представляет собою заимствование из немецкого (*Wall*), второе восходит к общеиндоевропейскому корню — тому же, к которому с другой ступенью вокализма восходит слово *волна*. Однако большинство толковых словарей рассматривает эти значения как принадлежащие одному многозначному слову на основе внешнего сходства обозначаемых объектов.

Более сложным примером лексико-семантической контаминации может служить церковнославянское слово *смирение*. Для передачи смысла греческих слов *ταπεινός* 'humilis', *ταπεινότης* 'humilitas' в ранних церковнославянских текстах использовались слова с корнем *мър-* ('мера'): ср. примеры из Киево-Печерского патерика: *дѣлати съ всякимь смѣрениемь* 'работать со всяким смирением'; *бѣ же смѣрень сьрѣдцьмь* 'был он смирен сердцем'. Но вследствие

контаминации с корнем *мир-* слова, соответствующие греческим *ταπεινὸς* 'humilis' и *ταπεινῶσις* 'humilitas', стали передаваться как *смирень* и *смирение*, напр. *Господь гордымъ противитъся, смиреннымъ же даѣтъ благодать* (в греческом оригинале: ὁ θεὸς ὑπερηφάνοις ἀντιτάσσεται ταπεινοῖς δὲ δίδωσιν χάρις). В результате в современном церковнославянском языке слово, передающее греческое *ταπεινῶσις* 'смирение', совпало со словом *смирение*, которое иногда использовалось также для перевода греческого *εἰρήνη* 'мир', напр. в следующих евангельских отрывках в принятом в настоящее время переводе: *мóлитъся о смирѣнiи* (в греческом оригинале: ἐρωτᾷ τὰ πρὸς εἰρήνην, Лк. 14:32); *во смирѣнiи сѹтъ имiбнiя егó* (ἐν εἰρήνῃ ἐστὶν τὰ ὑπάρχοντα αὐτοῦ, Лк. 11:21). Возникновение семантической связи между значениями 'смирение' и 'мир' обусловлено оттенком 'примирения с действительностью', характерным для восточнохристианского и особенно русского понимания 'смирения', появившимся, возможно, именно в силу звукового сходства. Тем самым слово *смирение* в современном церковнославянском языке следует считать многозначным, и его полисемия должна рассматриваться как результат лексико-семантической контаминации.

Этимологический критерий разграничения омонимии и полисемии не является универсальным. Во-первых, происхождение слова не всегда бывает очевидно. Во-вторых, возможен распад полисемии — когда расхождение между значениями одного слова в ходе семантической эволюции становится столь велико, что между ними не остается ничего общего; этот процесс обычно сопровождается расхождением также в грамматических свойствах. Так, в современном русском языке принято считать омонимами (исторически единые) слова *мир* 'рах' и *мир* 'mundus'; между тем они оба восходят к общеславянскому *mirъ* 'гармония, лад'. Признание их омонимами обусловлено тем, что в современном языке между ними трудно усмотреть какую-либо семантическую связь.

Процесс распада полисемии в истории языка происходит постепенно, и это в ряде случаев осложняет отграничение омонимии от полисемии. Так, некоторые словари русского языка признают *ярый* 'яростный, страстный' и *ярый* 'сверкающий, светлый' омонимами, тогда как другие словари подают соответствующие значения как значения полисемичного прилагательного. Сходные расхождения наблюдаются в русских словарях в отношении единиц *долг* 'моральное долженствование' и *долг* 'взятое взаймы'.

Одним из признаков, позволяющих заключить, что мы имеем дело с полисемией, а не с омонимией, может считаться возможность «диффузного» употребления языковой единицы, т. е. некаламбурного совмещения значений, которые естественно считать различными. Канонические, типовые значения выделяются обычно на основании ясных, контрастных случаев. В текстах же мы часто сталкиваемся с употреблениями, которые даже при наличии

максимально широкого контекста не удастся со всей однозначностью отнести к одному из выделенных значений. Так, у русского слова *пример* имеется два класса употреблений: образец для подражания (*следовать примеру отца, подавать кому-л. пример*) и факт, подтверждающий некоторое утверждение (*Поясню это на простом примере*), которые различаются моделью управления, сочетаемостью и синонимическими связями. Однако естественный язык устроен таким образом, что значения, противопоставленные в одних контекстах, в других могут быть выражены одновременно; так, в предложении *Меня воспитывали на разных положительных примерах* выражены одновременно оба значения. У русского слова *чай*, среди прочих, можно выделить такие значения, как 'растение', 'высушенные листья этого растения', 'напиток, приготовленный из этих листьев'. Однако в предложении *Она угощала нас чаем, выращенным на плантациях Индии* одновременно выражаются значения 'растение' и 'напиток'. Возможность некаламбурного совмещения значений составляет достаточное, но не необходимое условие того, чтобы считать, что выделенные значения принадлежат одной лексической единице, т. е. что мы имеем дело с полисемией, а не омонимией, так как для многих явно полисемичных лексических единиц трудно или невозможно подобрать примеры диффузного употребления.

Случаи возможного совмещения значений в определенных контекстах следует отличать от случаев синкретизма (*vagueness*) — факта последовательного неразличения данным языком двух значений, выражаемых в других словах разными словами; так, русск. *рука* соответствует в английском языке двум словам — *arm* и *hand*; русск. *плавать* — словам *to swim*, *to sail* и *to float* (обозначающим разные виды плавания); наоборот, англ. *mother-in-law* — русск. *теща* и *свекровь*; во многих языках 'старший брат' и 'младший брат' обозначаются разными словами и т. д. Явление синкретизма представляет интерес с точки зрения лексической типологии; в толковых словарях наличие такого рода совмещения обычно не считается основанием для разграничения соответствующих лексических значений.

2. Холистический и атомистический подход к описанию полисемии

Существует два в некотором смысле противоположных подхода к описанию полисемии, которые можно обозначить как «холистический» (акцентирующий единство слова, т. е. то общее, что имеется во всех его основных значениях) и «атомистический», который стремится максимально последовательно

разграничить различные типы употребления слова, представив каждое из них как отдельное значение (отдельную языковую единицу).

При **холистическом** подходе предполагается, что у слова имеется некоторое «общее», или «инвариантное» (по Якобсону), значение, которое реализуется в конкретных употреблениях в форме его «вариантов»; в российской лингвистической традиции широко используется введенный А. И. Смирницким в начале 50-х гг. XX в. термин «лексико-семантический вариант». Холистический подход предполагает обращение к ненаблюдаемой семантической сущности, находящейся на ином уровне абстракции и требующей иного метаязыка, чем тот, который используется при лексикографическом описании. Начиная с 70-х гг. прошлого века получил широкое признание подход, основанный на понятии «прототипа», введенного в работах Элеанор Рош. Основная идея прототипной теории значения (Дж. Лакофф, Ч. Филмор, Д. Герартс и др.) состоит в том, что значение слова включает центр и периферию. В центре находятся употребления, включающие полный набор признаков, характеризующих «прототип» данного значения, на периферии – употребления, включающие только некоторые из них; при этом периферийные употребления не образуют отдельных значений. Так, употребления типа *приемная мать* или *суррогатная мать* не являются основанием для выделения особого значения у слова *мать*.

Несколько иная идея лежит в основе современного когнитивного подхода к исследованию полисемии, центральным понятием которого является «образ-схема», или «топологическая схема» (англ. *image schema*): картинка, позволяющая, по предположению, когнитивно адекватным образом представить значение слова и, одновременно, структуру его многозначности: разные значения «выбирают» (профилируют, выдвигают на первый план) разные части схемы в качестве центральных, оставляя прочие за пределами поля зрения или на его периферии (М. Джонсон, Л. Талми, Р. Лангакер, Л. Янда и др.). Согласно этому подходу, значения языкового выражения образуют категорию, имеющую радиальную структуру, в которой центральный элемент связан со всеми остальными посредством трансформаций образ-схемы (т. е. ментальных операций, позволяющих говорящему связать концептуально близкие конфигурации как варианты одной базовой образ-схемы).

Атомистический подход восходит к идеям А. А. Потебни и Л. В. Щербы о том, что слово в каждом из своих значений является по существу отдельным словом. В некотором смысле реализацией этой идеи является введенный основателями Московской семантической школы термин «лексема», обозначающий слово в одном из имеющихся у него значений как самостоятельную единицу лексикографического описания (см. [Апресян 1974; 2010; Mel'čuk

1988]). Каждая «лексема» обладает совокупностью свойств — семантических (синонимы, антонимы, дериваты и т. д.), грамматических (отсутствие или особенность тех или иных грамматических форм: напр., у слова *долг* в значении 'нравственная необходимость' отсутствует форма мн. числа; у слова *лист* <бумаги> мн. число — *листья*, у *лист* <на дереве> преимущественно *листья*), а также комбинаторных, коммуникативно-просодических и прагматических свойств. Соответственно, два употребления данного слова считаются принадлежащими разным «лексемам», если они различаются какими-то из перечисленных свойств и при этом одно из них не может быть получено из другого с помощью простого правила. Так, русский глагол *казаться* может обозначать как не полностью уверенное мнение (*Мне кажется, ты чем-то недоволен*), так и определенно ошибочное мнение (*Тебе это кажется*); эти два значения различаются просодически: в первом случае глагол безударен, во втором — несет на себе фразовое ударение.

3. Отношения между значениями полисемичного слова

Разные значения одного слова обычно бывают связаны между собой отношениями семантической деривации. Как показали исследования последних десятилетий [Nunberg, Zaenen 1992; Pustejovski 1995; Падучева 2004; Кустова 2004], механизмы семантической деривации обладают определенной регулярностью, что обеспечивает системность лексикона.

Некоторые из них были известны еще с античности как риторические фигуры, или тропы. Главным механизмом семантической деривации является метафора (из греч. μεταφορά 'перенос'; «переносными» и сейчас еще называют именно метафорические производные значения). Метафора — это перенос по сходству, чаще всего, из области физических явлений в область абстрактных понятий, ср. *открыть дверь* и *открыть закон*, *острый нож* и *острый ум*. Многие языковые единицы с темпоральным значением представляют собой пространственную метафору (ср. *перед домом* и *перед обедом*, *короткая юбка* и *короткая встреча*). Метафора пронизывает весь лексикон — все части речи и все функциональные стили. Второй важнейший механизм семантической деривации — метонимия, т. е. перенос на основании наличия между предметами пространственной или временной смежности. Так, русск. *остановка* означает: 'временное прекращение движения транспортного средства'; 'место, на котором оно производится'; 'расстояние между двумя такими местами'. В течение XX в. подробно изучались также такие типы семантических сдвигов,